

Косаку разбудил аромат кофе. Комнату заливал мягкий утренний свет.

Продолжая лежать на кровати, он медленно осмотрелся. На столе стояли две кружки, с краёв которых поднимался едва заметный пар. С кухни доносились запахи гренок в масле и жареного бекона.

Прислушавшись, за щебетанием птиц Косака различил посвистывания Санаги.

Такое вот утро.

Они сдвинули две коробки и принялись завтракать. Издалека картонки и впрямь напоминали выкрашенный в белый цвет стол. Приём пищи прошёл в молчании.

Из радио с переборами доносилась музыка. Обрывистая мелодия пианино казалась Косаке ужасно знакомой, но всякий раз, когда он пытался вслушаться, она будто специально затихала.

Позавтракав, молодые люди приняли душ и начали готовиться к выходу. За неимением иной одежды, кроме пижамы, Санаги надела школьную форму. Косака же вытащил из стенного шкафа непримечательные чиносы и рубашку и уже решил переодеться в них, но девушка его опередила:

– Подожди.

– Что?

– Помнишь, в день нашей первой встречи ты, безработный, надел костюм? Я хочу снова это увидеть.

– Без проблем. Но зачем?

– Потому что мне понравилось, как ты смотришься в костюме. Что-то не так?

Косака покачал головой.

– Всё так. К тому же сейчас я уже работаю, так что виноватым себя точно не почувствую. Просто немного беспокоюсь о реакции окружающих, когда они увидят меня, в костюме, и тебя, в школьной форме, вместе.

– Всё нормально. Если спросят – скажем, что родственники.

- Неплохая идея, - Косака с лёгкостью согласился.

Переодевшись, они, боязливо взявшись за руки, вышли на прогулку. Жилой район заливался безмятежным солнечным светом, свойственным тихому воскресенью. С вишнёвых деревьев начала спадать листва, и дороги оказались усыпаны их розовыми лепестками, а светло-голубое небо с облаками, напоминающими плывущий по небосводу пух, отлично дополняло пейзаж.

Они зашли в книжный магазин на окраине торгового района. В тесном помещении стоял затхлый запах старых книг.

Внимание Косаки привлекла необычная энциклопедия, и он, слегка пораздумав, купил её. «Энциклопедия энциклопедий», на страницах которой рассказывалось о всех существующих видах энциклопедий в мире.

Следующей точкой их маршрута оказалась булочная на углу улицы, где они взяли по сэндвичу и, перекусывая на ходу, отправились дальше. Из-за обилия ингредиентов при каждом укусе на землю падали кусочки салата и лука. Заметив, как Косака пальцем вытирает соус с губ, Санаги хихикнула:

- Раньше я и представить не могла, что бы ты так делал.

- Ничего не попишешь. Позволить себе подобное я мог только в последние три месяца, - ответил Косака, отбивая хлебные крошки с ладоней. - Но Идзуми сказал, что восстановление гермафобии не заставит долго ждать. Тогда-то всё и вернётся на круги своя.

- Ух, - разочарованно произнесла Санаги. - Наслаждайся, пока можешь.

Парень сухо улыбнулся и взял её за руку.

Давайте немного отмотаем время назад.

Прошлой ночью уснувшую на его кровати Санаги Косака принял за галлюцинацию. Это всего лишь ошибка, - думал он. - Сейчас я моргну, и она исчезнет.

Однако прогонять наваждение парень не желал, оттого держал глаза широко открытыми. Лишь когда они начали подсыхать и по его щекам полились слёзы, Косака нехотя моргнул. Он поднял веки - иллюзорная Санаги по-прежнему лежала перед ним.

Парень вновь закрыл глаза, протёр их руками и снова открыл.

Да, Санаги была там же.

- Санаги, - окликнул он её.

Тело девушки дёрнулось, она рефлекторно привстала и, встретившись с Косакой взглядом, прижала к груди одеяло и стыдливо опустила голову, будто стараясь от него спрятаться.

От шока онемели чувства. Он не мог ни удивиться, ни возрадоваться.

- Ты ведь не привидение, правда?

- Всё может быть, - ответила она, подняв глаза. - Хочешь проверить?

Косака неуверенно подошёл к кровати и коснулся щеки Санаги. Кожа была горяча, и девушка, желая поставить точку, приложила ладонь к его руке. То же человеческое тепло. Она и вправду сидела перед ним.

Парень сжал её в объятиях. Санаги не сопротивлялась.

- Почему... - эмоции спутали все слова. - Почему ты здесь? Твой организм уже поправился? А как же отмирание червей?

- Ну зачем всё сразу... - Санаги нервно усмехнулась. - Начни с чего-нибудь одного.

Косака нежно отпустил её и переспросил:

- Твой организм уже поправился?

- Ну-у... Честно сказать, ещё не до конца, - ответила она. - Но, учитывая, сколько я выпила таблеток, остаться в живых - уже чудо, - она прикоснулась к своему животу. - Из-за комы воспоминания немного расплываются. День, когда я решила покончить с собой, как в тумане. При этом смутно помню, что рвоту я вызвала по собственной воле. Наверное, успела вовремя прийти в чувства. Доктор сказал, что, вырви меня чуть позже, никакое лечение бы уже не помогло.

- Мда... - Косака громко вздохнул. - Ладно, идём дальше. Куда ты сбежала из больницы и чем ты занималась всё это время? И зачем вообще надо было убегать?

- У меня были кое-какие дела. Пряталась я в нашей клинике - всегда так делала, когда не хотела идти в школу, так что уже давно отыскала место, где меня никто не найдёт, - она пожала плечами. - Не хочу развивать эту тему. Или больше спросить тебе нечего?

- ... Что с паразитом? Разве ты не избавилась от него?

- Избавилась. Все черви, что были в моём организме, мертвы.

- Тогда почему...

Санаги широко улыбнулась.

- Потому что теперь во мне живут твои паразиты, мистер Косака.

- Мои?

- Тогда, в контейнере, я тебя поцеловала, помнишь? - Санаги застенчиво отвела глаза. - В тот момент часть паразитов из твоего организма передалась мне. Они спарились с моими и родили новых, невосприимчивых к лекарствам. Это и удержало мою жизнь на волоске. Ты спас меня, мистер Косака.

Парень закрыл глаза, обдумал услышанное и вздохнул.

- В конце концов ты оказалась во всём права...

Санаги покачала головой.

- Ты лишь заложник обстоятельств. Я и сама не знала, что червь нам жизненно необходим. Просто повезло, что желания совпали с реальностью. Я полностью поддерживаю твоё решение, ибо понимаю, что расстался ты со мной ради моего же блага.

- Ты меня переоцениваешь. Не так уж и грамотно я поступил... - Косака слегка улыбнулся и добавил: - Я очень рад тебя видеть.

- И я - тебя. Спасибо, что позволил вернуться.

Санаги слегка наклонила голову, и её губы растянулись в улыбке.

У входа в парк стояла синяя машина. Капот и ветровое стекло облепило множество лепестков сакуры. Лишь с бокового зеркала со стороны пассажира можно было заметить крепко спящего мужчину на водительском сидении.

Косака оглянулся, – вокруг не было ни одного вишнёвого дерева. Похоже, листья сюда из глубины парка принёс ветер. Сегодняшняя погода, в конце концов, этому способствовала.

Оставив главный вход в парк Мидзусина позади, молодые люди дошли до тропинки, с обеих сторон окружённой стволами сакуры, и остановились.

Перед ними развернулся самый настоящий спектакль. Белые лепестки срывались с раскачиваемых ветром верхушек деревьев и, сверкая, сыпались на землю, подобно снегу.

От разразившейся метели из листочков вишни было невозможно оторвать глаз. Пейзаж кружил голову, и, будто в противовес его суматошливости, весь остальной парк пребывал в тишине. Свист ветра и шелест деревьев – ничего больше. Желающих взглянуть на эту красоту было немного, так что вид не портили разложенные на траве коврики. Поблизости есть парк побольше, все наверняка пошли туда.

Косаку охватили воспоминания. В день их первой встречи этот парк был покрыт снегом, а Санаги, с покрашенными волосами и в короткой юбке, стояла возле озера, курила сигарету и кормила лебедей.

Кажется, будто это было так давно. Однако на деле не прошло и полугода.

Устав от ходьбы, Косака и Санаги присели на газон и, прижавшись друг к другу в тени дерева, наблюдали за вишнёвой пургой и слушали ветер.

Основание склона занимало озеро. Водная гладь, укрытая белыми лепестками, казалась замёрзшей и забросанной снегом.

В нём беззаботно плавал лебедь. Косака, не поверив своим глазам, несколько раз моргнул и прищурился – это однозначно был лебедь, не утка. Может, отделился от стаи? Птица, однако, не никаких признаков одиночества не проявляла и продолжала элегантно плавать среди упавших листьев.

Эта противоречивая картина напомнила ему привычку детей, словно восстанавливающих фрагмент некоего бессвязного сна, устраивать беспорядок в кукольных домиках.

– Эй, мистер Косака, – сказала Санаги, положив голову ему на плечо. – Не знаю, как ты, но я уже с нашей первой встречи знала, что к этому всё и придёт.

– Да ну?

– Ага... Помнишь наш первый разговор?

- Прекрасно помню, - Косака прищурился. - Ты мне тогда показалась до жути нелюдимою.

- Я просто застеснялась, - девушка надула губы, слегка наклонила голову и подняла взгляд. - Но речь не об этом. В тот день мы стояли под этой омелой.

- Омелой?

Косака поднял голову и приметил среди веток сакуры незнакомое растение. Зимой его едва ли можно отличить от птичьего гнезда, однако сейчас оно успело покрыться зеленеющей листвой и принять совершенно иной вид.

- Люди, встретившиеся под омелой белой в сезон Рождества, должны поцеловаться. Ты знал об этом?

Он покачал головой. Наверное, один из западных обычаев.

- А раз я решила, что первый свой поцелуй разделю с человеком, который мне нравится, то возникновение между нами любви оставалось лишь вопросом времени.

- Странная логика какая-то, - Косака горько улыбнулся.

- Забудь. Сама не знаю, о чём говорю, - Санаги засмеялась. - Я имела в виду, что наши отношения подкреплены не только паразитическими животными, но и паразитическими растениями, эти организмы плотно с нами переплетаются. Надеюсь, ты понял, к чему я клоню.

- ... Более-менее.

- А вот интересно. Если влюбиться друг в друга без паразитов мы не могли, то корректно ли называть паразитами их, а не нас? - Санаги вновь залилась смехом.

Они замолчали, размышляя о счастливых совпадениях, привнесённых в их жизнь этими микроорганизмами.

Тишину нарушил Косака:

- Ты сказала, что люди под омелой должны поцеловаться.

- Да. Но только в канун Рождества.

- Но посмотри, - Косака вытянул указательный палец. - Тот же лебедь. Та же метель. То же замёрзшее озеро.

- А ты прав, - Санаги хихикнула. - Что ж, и не поспоришь ведь.

Она повернулась к Косаке и медленно закрыла глаза.

Их губы сошлись в быстром поцелуе.

Прошло немного времени, и Санаги, разлёгшись на коленях Косаки, уснула.

Она, похоже, сильно устала. Червь вряд ли успел восстановиться, и не в силах обрабатывать весь собирающийся в ней негатив.

Косака провёл рукой по её мягким волосам. На солнце мелькнула скрытая за ними голубая серёжка - девушка продолжила носить её даже после отказа от серебряной краски.

Он только сейчас осознал, что впервые видит Санаги в весеннем наряде, и теперь, находясь с ней в непосредственной близости, заметил, что попытки девушки покончить с собой не ограничивались одними лишь снотворными. Скрытые за зимней одеждой в прошлом, её руки испещряли множественные порезы, давно зажившие и совсем недавние, каждый из которых вводил Косаку в печаль.

Надеюсь, ей не приснится кошмаров.

Лепестки вишни продолжали застилать парк.

Со временем солнце немного зашло, и теперь пару изредка освещали тёплые лучи, пробивавшиеся сквозь зелёные кроны. Аккуратно, стараясь не разбудить Санаги, Косака лёг на землю, закрыл глаза и вдохнул свежий весенний воздух, наполненный ароматом травы и сакуры.

Недолго мне осталось наслаждаться природой. Гермафобия скоро вернётся, и я снова спрячусь в комнате. Жаль, конечно. Но как я могу ненавидеть своего паразита любви, если он дал мне возможность испытать эти нежные чувства по отношению к Санаги?

До сих пор неясно, повлиял ли он на наши отношения, но сейчас мне уже всё равно.

Впервые могу назвать себя «собой», принимая червя как неотъемлемую часть организма. Он перестал быть чем-то инородным.

Люди влюбляются не разумом. Они любят глазами, ушами, кончиками пальцев... Нет ничего необычного в том, что я полюбил паразитом.

Жаловаться мне не на что.

Небо начало принимать серый оттенок, и молодые люди, по дороге заглянув в супермаркет, направились домой, где приняли приготовленный Косакой поздний ланч и выпили кофе. Часы показывали четыре вечера.

По очереди приняв душ и отмывшись от пота, они переоделись в домашнюю одежду и, рассевшись на кровати, принялись изучать купленную в книжном магазине энциклопедию. Из коротковолнового радио на столе доносилась новая программа, однако разобрать что-либо из-за низкой громкости не представлялось возможным.

Из щели между занавесками сочились тусклые солнечные лучи. Свет в комнате был выключен, – в ней было темно, как в густом лесу. С улицы доносился еле слышимый детский смех.

– Ещё вчера почувствовала, что чего-то не хватает. И теперь наконец поняла, чего именно, – сказала Санаги, пролистав энциклопедию и отложив её в сторону.

– И чего же?

– Запаха дезинфектанта.

Косака моргнул.

– А, понял. Это весьма логично, ибо в последнее время я отучился от нервных уборок.

– Лично для меня твой дом всегда ассоциировался именно с ним.

– Ты так любила этот запах?

Санаги кивнула.

Косаке пришлось достать несколько дезинфицирующих спреев из коробок и, как несколько месяцев назад, усердно распылить их содержимое по всем углам. Девушка наслаждалась разворачивающейся картиной, словно следила за украшением комнаты новогодними игрушками.

Вскоре квартиру заполнил густой запах этанола. Довольная Санаги разлеглась на постели.

– Вот, теперь всё на своих местах.

- Только сейчас понял, насколько это отвратительный запах.

- Да ну? А я люблю его, больницу напоминает.

- Мне кажется, многие люди бы сказали: «Ненавижу его, больницу напоминает».

- Но мне-то нравится.

Санаги подпёрла голову подушкой, закрыла глаза и вздохнула.

- Эх, так бы и заснула.

- В парке ты разве не спала?

- Спала. Но сил у меня по-прежнему нет.

Не прошло и пяти минут, как она провалилась в сон.

Косака укрыл девушку одеялом и, немного помедлив, прилёг рядом. Казалось, любоваться ей с близкого расстояния, когда видна каждая из её длинных ресниц, ему никогда не надоест.

Лицо Санаги единожды вздрогнуло, – похоже, успокоиться она не могла даже во сне. Спящая, девушка казалась необыкновенно хрупкой и легкоранимой.

С утра первым делом позвоню на работу и скажу об отмене переезда, – планировал Косака. – Распакую все эти коробки и, на пару с Санаги, верну всё на место. Останусь в этом городе и буду жить с ней.

Его глаза медленно закрылись. Стрелка часов перевалила за пять вечера.

Проснувшись и увидев перед собой лицо Косаки, Санаги непроизвольно отпрыгнула, но, разобравшись в ситуации, сделала два-три вдоха и легла обратно. Пульс постепенно пришёл в норму.

Солнце уже почти зашло. С улицы больше не доносились крики детей. Тёплый ветерок шуршал занавесками. Его дуновения, переплетённые с запахом дезинфицирующего средства, ностальгией сдавили грудь. Некоторое время предаваясь размышлениям, Санаги так ничего и не вспомнила.

- Ну и ладно. Забыла и забыла, это всё равно ничего не изменит, – прошептала она и взяла руку Косаки. – Но вот эти прикосновения я не забуду до самой смерти.

Впрочем, в этом не было ничего сложно, если учесть, сколько ей осталось.

Санаги смотрела на тусклое вечернее небо и думала:

Мою жизнь спас поцелуй любимого человека.

... Как бы было прекрасно, окажись это правдой.

Одно известно точно: часть паразитов из организма Косаки перешла мне, и в моём теле появились новые черви. То же самое произошло и с ним.

Однако не теми же самыми оказались новорожденные микроорганизмы. Толерантность к лекарствам развилась лишь у Косаки.

Возможно, его паразиты изначально не имели иммунитета к препаратам и заработали его, лишь обменявшись генами с моими. В результате это и спасло ему жизнь.

Однако со мной такого чуда не произошло. Мои черви, лишённые защиты, тут же умерли от лекарств. Я лишилась органа, перерабатывающего мои душевные страдания.

От меня осталась лишь оболочка. Я наполовину мертва. Словно курица, что бежит по двору с отрезанной головой. Обеими ногами на том свете, я вот-вот пропаду.

Я дожила до этой минуты лишь благодаря рвению в последний раз встретиться с Косакой. И теперь, когда моя воля исполнена, меня больше ничего не удерживает. Воспротивиться желанию умереть на вершине счастья мне не по силам.

Быть может, я могла получить шанс поправиться, если бы попросила Косаку передать червей, но, к сожалению, мне это больше не нужно. Записка уже написана.

Я должна довести дело до конца.

Так было всегда. Мне страшно жить, и страх этот разъедает меня изнутри. Жизнь чем-то не одарила – боишься, что так и не одарит. Одарила – боишься потерять.

Больше всего я боялась никого не полюбить и не стать любимой. Нет смысла оттягивать смерть, если встретить её суждено в одиночестве.

Но теперь, познав любовь, я боюсь её лишиться. И лучше умереть сейчас, чем всю жизнь провести в страхе.

Курс на гибель. Программа саморазрушения. Куда бы мне ни довелось идти, пункт назначения оставался неизменным, – дорога всегда вела к смерти. Счастье и несчастье – две стороны одной монеты, которые для таких трусов, как я, имеют едва ли не одинаковые значения. Такой

я человек.

Покончу с собой, пока монетка лежит аверсом вверх. Терять уже нечего. Грусть и радость меня истощили.

Я с минуты на минуту положу этому конец. Занавес опустится, и история моей жизни так и останется недописанной. Времени лучше и не придумать.

Санаги вспоминала. День, когда они впервые встретились. День, когда они впервые коснулись друг друга. День, когда они впервые поцеловались. День, когда они впервые обнялись.

Сожалею только об одном. Я беспокоюсь за Косаку и не хочу его оставлять. Мои действия равносильны ножу в спину. И попросить прощения мне уже не удастся.

Но я бы и не пыталась. Если он меня возненавидит, то мне ничего не останется, кроме как принять его злобу. Я это заслужила.

... Но, если это возможно, я хочу, чтобы Косака кое-что осознал.

Мы должны были умереть ещё до нашей встречи. Нам, ведомым больными душами, уже давно суждено отправиться на тот свет, однако паразит отложил нашу смерть, дал шанс влюбиться и даже позволил одному из нас выжить.

Исход не самый лучший, но и не из плохих. Надеюсь, Косака это поймёт.

Мы бы даже не встретились, не существуя червь.

Однако моя смерть докажет нечто ещё более печальное.

Самоубийство хозяина обусловлено освобождением от влияния паразита. Теряя контроль над инфицированным, червь, ранее даровавший любовь, как Купидон, подавляет романтические чувства обоих заражённых. Но сейчас, перед смертью, я думаю о Косаке, а Косака думает обо мне. Значит, на наши отношения червь никак не влиял.

Любить друг друга мы могли и без паразитов.

Я бы никогда этого не узнала, если бы не согласилась на лечение.

Санаги отпустила руку Косаки и нежно погладила его по щеке.

Через несколько секунд его глаза медленно открылись.

- Прости, я тебя разбудила?

- Нет, - Косака покачал головой и, взглянув на лицо девушки, распахнул глаза. — ... Санаги, почему ты плачешь?

Она поспешила вытереть лицо рукой, однако слёзы продолжали течь и даже не думали останавливаться.

- Странно, - слегка откашлявшись, девушка заставила себя выдавить улыбку. - Даже не заметила, как заплакала.

- Тебе грустно?

- Нет, наоборот. Это слёзы радости.

- Фух, а то я уже испугался. Своего рода правильные слёзы, да?

Он всегда так странно меня утешает.

- ... Эй, мистер Косака. Можно сказать тебе кое-что приятное?

- Приятное? - его глаза удивлённо распахнулись.

- Да, - Санаги кивнула и по-особенному улыбнулась. - М-м, я люблю тебя, мистер Косака.

- Ага, я знаю.

- Нет, ты не понял. По-настоящему люблю.

- Хм-м, - Косака задумался и вздохнул. - Не совсем тебя понимаю, но приятно слышать.

Они засмеялись.

Когда-нибудь он поймёт, что я имела в виду, - думала Санаги. - Но будет уже слишком поздно.

Её взгляд опустился на подушку и образовавшиеся на ней пятнышки от слёз.

- Прости. Я так тебе всю наволочку запачкаю.

Санаги захотела привстать, но Косака её остановил.

- Тогда поступим иначе.

Он прижал девушку к груди. Слёзы, одна за одной, капали на рубашку.

- Не надо себя сдерживать.

- ... Ага. Спасибо.

И Санаги плакала. По всему, что уже произошло, и по всему, что лишь должно произойти.

Со временем девушка успокоилась и уснула глубоким сном.

Впервые в жизни она спала столь безмятежно.

Ей снилось, что она превратилась в лебедя. Лебедя, одиноко плавающего по сверкающему весенним солнцем озеру и оставленного стайей из-за раненого крыла. Что мне делать? Его не покидала тревога. Лебедь гневался на своих сородичей, но в то же время ностальгически вспоминал о них и проклинал себя за неосторожность, которая и привела к травме.

Но чем дольше она плавала по усыпанному вишневыми лепестками озеру, тем меньше беспокойства ощущала. Что ж, хотя бы выпала возможность насладиться этим прекрасным пейзажем.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/294573>